

37. Там же. – Л. 143.
38. Там же. – Л. 9.
39. Там же. – Д. 1а. – Л. 10–11.
40. Там же. – Д. 1. – Л. 66.
41. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1284. – Оп. 70 – Д. 361. – Л. 29.
42. ГАГС. – Ф. 26. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 50.
43. Там же. – Л. 31.
44. РГИА. – Ф. 1284. – Оп. 69. – Д. 368. – Л. 28.
45. ГАГС. – Ф. 26. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 143.
46. Там же. – Д. 1в. – Л. 13–14.
47. Там же. – Д. 1. – Л. 117.
48. Там же. – Ф. Р – 164. – Оп. – 1. – Д. 710. – Л. 47.

Орлов В. И.

АНТИКАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР, ПРЕПЯТСТВУЮЩИЙ РАЗВИТИЮ БИЗНЕСА В ОБЩЕСТВАХ ПЕРЕХОДНОГО ТИПА

Анализ результатов экономических реформ, проведенных на постсоветском пространстве, показал, что, в различных странах возникших после распада СССР, действуют разные механизмы торможения рыночной экономики. Так, применительно к России, ее президент В. В. Путин основными препятствиями роста и выгоды бизнеса называет «несправедливые налоги, криминал и произвол чиновников» [1]. Относительно Беларуси экономист Б. Д. Семенов выделяет четыре группы факторов, влияющих на развитие белорусского предпринимательства и мешающих развитию рыночной экономики: социально-политические, политические, правовые, организационные [2, с. 7].

На наш взгляд, данную классификацию нужно дополнить еще одним фактором – мировоззренческим. Расцвет предпринимательства возможен лишь в условиях господства в умах членов общества (в первую очередь в умах элиты) соответствующего мировоззрения, подобного, например, протестантскому у первых западноевропейских капиталистов. В странах Балтии оно существует, в России и Беларуси – наоборот, господствует антирыночное мировоззрение. Если же элементы капиталистического мировоззрения и появляются среди самих предпринимателей, то это проявление так называемого «дикого», хищнического капитализма. Такое мировоззрение находит свое оправдание в самой жизни. Так, например, отмечая данные опроса, проведенного в Калмыкии, Владивостоке, Новосибирске, А. А. Возьмитель констатирует, что «выявились очевидные характеристики: если у человека есть какой-то моральный стержень, который его в чем-то сдерживает, у него бизнес идет гораздо хуже, нежели у тех, у кого такого стержня нет... Напротив, безнравственность в бизнесе, а именно, ориентация на достижение успеха любой ценой, любыми средствами, – тесно коррелирует с динамичным устойчивым ростом материального положения предпринимательских семей» [3, с. 85]. В соответствии с этим безнравственным мировоззрением происходит обман предпринимателями не только друг друга, потребителей, но и государства. На наш взгляд, сложившееся положение дел можно во многом объяснить не только объективными причинами, но и субъективными, связанными с особенностями менталитета как предпринимателей, так и других слоев постсоветских обществ.

Наряду с понятиями «мировоззрение», «идеология» и др., для описания феномена национального бытия используется понятие «национальный менталитет». По мнению А. П. Бутенко и Ю. В. Колесниченко, менталитет – это вовсе не особый национальный логос и не априорная система ценностей, а «определенное социально-психологическое состояние субъекта – нации, народности, народа, его граждан, – запечатлевшее в себе (не «в памяти народа», а в его подсознании) результаты длительного и устойчивого воздействия этнических, естественно-географических и социально-экономических условий проживания субъекта менталитета» [4, с. 94]. Авторы отмечают, что «характерные особенности культуры народа, связанные в одних случаях с застойными (на Востоке), а в других – с более динамичными (на Западе) устоями общественной жизни, не могут не сказываться на подсознании, определенном темпе протекания мыслительных процессов, на большей или меньшей степени прочности своих культурных стереотипов» [4, с. 94]. Складываясь, формируясь и вырабатываясь исторически, менталитет в каждый конкретный отрезок истории представляет собой совокупность социально-психологических качеств и черт, сумму детерминируемых или поведенческих реакций, выступающих как определенная целостность, проявляющихся во всех сторонах жизнедеятельности данной человеческой общности и составляющих ее индивидов. Нет такой сферы жизнедеятельности нации или ее граждан, где бы не проявлялся присущий им менталитет. По своей структуре менталитет включает в себя, прежде всего, *нечто коллективное*, некие структуры национально-характера, действующие не проходя через сознание, спонтанно, наподобие определенного *эмоционально-психологического кода*, вызывающего у субъекта менталитета такие, а не иные реакции на внешние воздействия. Это коллективное бессознательное предстает как определенная совокупность если не черт характера, то мировоззренчески-психологических установок, превратившихся в принципы и привычки, уже бесспорно проявляющиеся в чертах характера (терпение, чувство справедливости, рационализм и т. д.), систему укоренившихся способов, форм и норм жизнедеятельности, ряд наиболее глубоко укоренив-

шихся традиций, стереотипов поведения [4, с. 94–95].

Российский экономист А. О. Блинов подчеркивает, что «когда мы говорим о развитии малого бизнеса, мы должны учитывать менталитет. Этого не происходит. И это беда многих реформаторов – не учитывать «вживаемость» экономических реформ, в том числе малого бизнеса как их части – в реальную ситуацию в различных регионах страны. Мы не сформировали имидж малого предпринимательства. Определение «лапочника» по-прежнему остается главным в обывательском мнении» [3, с.87].

Для того, чтобы понять, какую роль оказывает менталитет на формирование рыночных отношений, необходимо помнить, что менталитет народа сам определяется той системой ценностей, которая сложилась в процессе исторической деятельности. Так, например, в системе ценностей русского народа труд никогда не занимал главенствующего положения, потому что православная идея об отсутствии самооценности труда являлась неперменной составляющей частью русского менталитета. На наш взгляд, такое отношение к труду является основой для антикапиталистической ментальности, характерной для постсоветского пространства. Сказанное не говорит о «природной» лениности русских. Наоборот, история часто ставила русский народ в такое положение, что ему приходилось трудиться больше, чем западным народам.

Если на русское развитие ценность понятия «труд» оказала слабое влияние, то в западноевропейской истории это влияние на развитие культуры и экономики трудно переоценить. А. И. Зимин отмечает, что «культ труда, возвращаемый на протяжении столетий в Европе, в том числе и труда интеллектуального, в значительной степени определил то своеобразие европейской ментальности, которая тяготела к разработке, проектированию и созданию техники, позволявшей все более интенсивно преобразовывать природный мир и мир культурный. Наука служила развитию техники, техника обуславливала развитие механистических тенденций в науке и соответствующего «метафизического» мировоззрения» [5, с. 58].

Однако, несмотря на господство капиталистического мировоззрения антикапиталистическая ментальность, по крайней мере, ее отдельные элементы, в настоящее время широко распространена на Западе. Еще в 1956 г. Л. Мизес в своей известной работе «Антикапиталистическая ментальность» писал, что «настрой общественного мнения ясно виден из того, что оно связывает само определение «капиталистический» только с чем-либо отвратительным и никогда ни с чем положительным» [6, с. 169]. Такая ненависть к капитализму в самом капиталистическом обществе многократно усиливается в обществе транзитивного типа.

В чем же причина феномена? По мнению Л. Мизеса, причина, в первую очередь, заключена в самой несовершенной природе человека, в изъянах человеческой психологии, а отнюдь не в природе самого капитализма. Вот как Л. Мизес описывает механизм возникновения антикапиталистической ментальности в обществе. «Никто никогда не утверждал, – отмечает он, – что при свободном капитализме процветают те, кому должно отдаваться предпочтение с точки зрения вечных ценностных норм. Капиталистическая свобода рынка не предполагает вознаграждения человека, согласно его «подлинным» заслугам, неотъемлемым достоинствам и моральному совершенству... Равенство перед законом позволяет вызвать на соревнование любого миллионера... Если вы предпочитаете богатству, которое могли бы добиться торгуя одеждой или занимаясь профессиональным боксом, удовлетворение от занятий поэзией или философией – ваше право. Но тогда, естественно, вы не заработаете столько, сколько заработает тот, кто будет служить большинству. Ибо таков закон экономической демократии рынка» [6, с. 174]. Капитализм предоставляет каждому равное право заработать, соревнуясь со всеми остальными. В обществе, основанном на кастах или сословиях, в том числе и при социализме, индивидуум мог приписать свою неудачливость обстоятельствам, находящимся вне его контроля. Он ощущал себя рабом, потому что высшие силы навязали ему это состояние. Это случилось не по его вине, и он мог не стыдиться своего положения. При капитализме все выглядит совершенно иначе. Его положение зависит от его собственных усилий. Каждый, кто не достиг успеха, осознает, что он упустил свой шанс, пытался – но не смог, и его ближний оказался удачливее. «Жесткость капитализма, о котором столько говорят, состоит в том, что каждый получает от него столько, сколько он делает для пользы и благосостояния ближних» [6, с. 175].

При капитализме человека несчастным делает то, что эта система дает каждому возможность добиться самого высокого положения, но этого достигают немногие. Моральной успокоенности человека мешает то, что перед его взором находятся те, кто проявил больше изобретательности и способностей. Человек, потерпевший крах, чтобы как-то утешиться и восстановить уверенность в себе, пытается найти козла отпущения. Он начинает убеждать себя, что потерпел поражение не по собственной вине, что он ничуть не хуже более удачливого соперника. Просто структура общества не способна оценить достойных людей по заслугам. С точки зрения простого человека, большой бизнес снимает пенки и оставляет рабочему только то, что требуется ему для пропитания и продолжения рода. Обвиняя большой бизнес в безжалостной эксплуатации, политики, профессора и рабочие лидеры не понимают того, что отличительная черта большого бизнеса – как раз массовое производство для удовлетворения нужд широких масс. При капитализме сами рабочие являются потребителями продукции, которую выпускают их заводы. При рыночной экономике, считает Л. Мизес, никто не бедствует только потому, что есть состоятельные люди. Богатство имущих не является причиной чьей-либо бедности [6, с. 191].

Автор во многом согласен с точкой зрения Л. Мизеса и считает, что антикапиталистическая ментальность наемных работников во основном базируется на ненависти к богатым и зависти к более удачливым

своим соотечественникам. Особенно верным сказанное является для обществ переходного типа. Однако, необходимо отметить, что это чувство в некоторой степени имеет объективную детерминацию. Так, по мнению А. И. Кравченко, каждая попытка построения капитализма в России проходила через обязательный период первоначального накопления или, по другому, «период ограбления страны» [7, с. 23]. Он сопровождался резким обогащением небольшой (1–3 %) части населения и обнищанием остальных, ростом преступности, укреплением теневой экономики, ослаблением монополии государства на законное применение насилия.

На наш взгляд, существует и еще одна важнейшая причина распространения антикапиталистической ментальности. Дело в том, что сам вариант капитализма, прививаемый на постсоветском пространстве носит ярко выраженную прозападную окраску. Автор разделяет точку зрения белорусского социолога В. В. Кириенко, считающего, что верные политические и экономические концепции, но построенные на других, американских или западноевропейских мотивационных моделях поведения, нравах, обычаях, традициях приводят к непредвиденным, маложелательным или даже совсем нежелательным результатам. Люди с различными эмоциональными и психологическими характеристиками с различной скоростью осваивают или отвергают новые, пришедшие с Запада, и оставляют свои традиционные ценности [8, с. 35]. «При навязывании форсированных темпов политического и экономического прозападного реформирования, – отмечает В. В. Кириенко, – значительная часть населения не успевает откорректировать духовно-нравственные характеристики и, вполне естественно, воспринимает реформы как насилие со стороны другой, меньшей части населения, либо, что еще хуже, со стороны властных структур. Непросчитанные темпы и глубина реформ, без учета ментальных характеристик населения современной Беларуси, будут неизбежно создавать условия для неоправданного социального напряжения, гражданской конфронтации» [8, с. 35]. Исходя из сказанного, В. В. Кириенко приходит к выводу о том, что «противоречивость и непоследовательность в общественном реформировании, формировании негосударственного сектора экономики определяется не только очевидными, лежащими на поверхности экономическими, политическими и правовыми факторами, но и менее очевидными, но не менее значимыми социально-психологическими ментальными характеристиками современных белорусов» [8, с. 50].

Итак, проведенные в обществе политические и экономические преобразования, используемые социальные технологии не были приведены в соответствие с духовно-нравственным, мировоззренческо-культурным наследием людей, с их ментальностью. Отсюда и неудачи в проведении реформ. Покажем это на примере так называемой «шоковой терапии». Соотношение коллективистских и индивидуально-личностных компонент существенно различается в различных национально-этнических ментальных типах. В американской системе ценностей нравственно-психологическая значимость индивидуально-личностной компоненты носит откровенно положительную нагрузку, а коллективистская компонента – откровенно отрицательную нагрузку. Менталитет восточных славян отличается повышенным коллективизмом. Этот факт, по мнению В. В. Кириенко, обусловил неудачу в использовании метода «шоковой терапии» в мобилизации общества. Ведь одна из обязательных компонент «шоковой терапии», как условие выхода общества из кризисного состояния, – быстрая «атомизация», дистанцирование личности от общества от государства. Практика показала, что в наших условиях «атомизироваться» смогла узкая прослойка общества, сумевшая «преступить», выйти за пределы восточнославянских нравственных принципов традиционного общества. У основной же части общества в кризисных условиях сработал коллективистско-ремиссионный алгоритм [8, с. 50].

Свое отрицательное отношение к системе частного предпринимательства многие люди на постсоветском пространстве аргументируют негативными чертами в поведении самих предпринимателей. Так, например, для значительной части белорусского общества экономическая категория «частный собственник» несет на себе не столько социально-экономическую, сколько нравственно-психологическую нагрузку. По мнению белорусского историка В. Снапковского, новая экономическая белорусская элита «является торгово-посреднической, компрадорской буржуазией. Эти люди в целом равнодушно относятся к идеям национального возрождения и независимости Беларуси» [9, с. 4]. Такое мнение выражает взгляды большинства населения. По данным социологических опросов, белорусское население отмечает невысокий уровень нравственности предпринимателей. Стремление к легкой наживе отмечают 68,1% опрошенных; обогащение за счет других – 55,2%; способность преступить закон – 50,9%; непорядочность и нечестность – 48,2% [10, с. 8]. Как отмечает Н. М. Телевич, деятельность предпринимателя вызывает настороженность по отношению к фигуре предпринимателя как «персонифицированного носителя разрушения устоявшегося порядка» [10, с. 9]. Опрос жителей Минска показал, что общественное мнение о предпринимателях скорее отрицательное, чем положительное. Негативное восприятие населением предпринимательства и предпринимателей оказалось достаточно устойчивым. Сравнительный анализ исследований показывает, что в общественном сознании отрицательный стереотип в отношении белорусских предпринимателей не только не разрушился, но даже усилился [11, с. 34].

Отметим, что отношение населения к бизнесу и бизнесменам достаточно противоречиво. Дело в том, что с точки зрения синергетики общественное сознание ситуационно, поскольку его сферой является взаимодействие: человек массы одновременно усваивает информацию, оценивает ее, изобретает, выступает с инициативой, делает выбор. В том числе выбор между менталитетом и практической выгодой. И когда последняя налицо, многие сторонники социалистических идей предпочитают покупать товары у част-

ных предпринимателей, а не в государственных магазинах. Столь же противоречиво и отношение властных структур к становлению негосударственного сектора. С одной стороны, более высокая экономическая эффективность частного предпринимательства создает надежную базу налогообложения, что и обуславливает откровенную заинтересованность властных структур в формировании этого сектора. С другой стороны, властные структуры, будучи частью общества, не могут устойчиво проповедывать ценности, отличные от общественных. Все это и предопределяет нравственно-психологическую ситуацию напряжения, когда высокая экономическая эффективность обеспечивает сравнительно высокий материальный достаток частных предпринимателей, но лишает их общественной нравственно-психологической поддержки, без которой они ощущают состояние виновных и отвергнутых обществом, т. е. состояние маргиналов [8, с. 50–51].

Такая маргинальность подталкивает к развитию теневой экономики. Масштаб неформальной экономики, занятость в подсобных хозяйствах и обороты теневого капитала фиксируют желание работать, но в специфическом институциональном формате. В силу некомфортности институциональной сферы для проявления хозяйственной инициативы, уход индивида в поле неформальной экономики никого не удивляет. Результатом антикапиталистической ментальности населения является не только размах теневой экономики, но и противоречия в формировании нового социального слоя – слоя собственников. С одной стороны, более высокая экономическая эффективность привлекает в эту сферу энергичных, инициативных членов общества. С другой стороны, над ними висит «дамоклов меч» общественного порицания за нарушение общепринятых норм. В таких условиях очень многие люди не желают даже попробовать себя в собственном бизнесе.

В целом антикапиталистическая ментальность трансформирующегося общества складывается в антикапиталистический фронт, который охватывает как интеллигенцию и бюрократию, так и простых людей. В него входит большинство населения, особенно пожилые люди.

Одна из глобальных мировых проблем заключается в старении населения. Возникает новый класс людей. Впервые в истории общества будут иметь очень большую группу экономически пассивных пожилых людей, зажиточных избирателей, требующих дорогостоящего социального обслуживания, особенно медицинского, и получающих большую часть своего дохода от правительства. Они отягощают так называемое государство всеобщего благосостояния, подрывают государственные финансы и угрожают инвестициям, которые все общества должны делать ради своего будущего. Так например в 1900 г. 4% американского населения было старше шестидесяти пяти лет, а уже к концу XX века люди старше шестидесяти пяти лет составляли 13% населения [12, с. 118].

В Организации экономического сотрудничества и развития (ОАСР), которая представляет собой ассоциацию развитых стран, общие социальные расходы на людей старше шестидесяти пяти лет в расчете на одного человека в пять раз превосходят расходы на людей от пятнадцати до шестидесяти четырех лет [12, с. 119]. Одни только государственные расходы на престарелых дают им доход на человека, составляющий 60% среднего американского, в Германии и Франции перечисления престарелым доставляют им доходы, равные 80% средних [12, с. 120].

Власть престарелых сильна не только в процветающих обществах. Еще больше их влияние ощущается в обществах переходного типа. Избирательная сила престарелых в странах СНГ, а также ЦВЕ очень велика. Молодежь в этих странах на выборы не ходит, предпочитая заниматься бизнесом, поэтому современный облик парламента определяется людьми, обладающими антирыночной, антикапиталистической ментальностью, которые не отошли от идеалов коммунизма, жаждут льгот и социальных гарантий. Курс государства во многом определяется именно этими людьми, их симпатиями и предпочтениями.

Пожилые люди принимают активное участие в политической жизни государств, возглавляя многочисленные общественные организации, они избираются в парламент и местные органы власти, возглавляют государственные учреждения. Решения, принимаемые ими, отличаются антирыночной направленностью. В большинстве своем они враги предпринимательства и с ненавистью воспринимают зарождающийся капитализм. С их согласия принимаются многочисленные налоги и крепнет репрессивный режим контролирующих органов. Они заполнили все государственные и разгосударствленные учреждения, ожидая пенсии или уже переступив ее порог. В бюрократической машине социализма, считал Л. Мизес, для повышения в должности нужны не достижения, а покровительство начальства. В государственных учреждениях молодежь полностью зависит от благосклонности стариков. Подрастающее поколение находится во власти пожилых людей [6, с. 81]. Автор полностью согласен с высказыванием Л. Мизеса о том, что «человечество обречено, если молодые люди лишены возможности перестраивать общество на свой собственный лад» [6, с. 82]. Вот почему, на наш взгляд, пожилые люди являются фактором, препятствующим развитию бизнеса в обществах переходного типа.

В заключение отметим, что роль пожилых людей в становлении системы частного предпринимательства в обществах переходного типа достаточно противоречива. С одной стороны – они играют роль сдерживающего фактора, а с другой стороны – они носители Традиции и главный гарант стабильности общества, без которой плодотворное развитие бизнеса невозможно.

Источники и литература

1. Россия: содержание либерализации // Белорусский рынок. – 2001. – № 48
2. Семёнов Б. Д. Перспективы развития малого бизнеса [предпринимательства] в Республике Беларусь // Предпринимательство в Белоруссии. – 2001. – № 36.
3. Малое предпринимательство в кризисном обществе («круглый стол») // Социологические исследования. – 1999. – № 7.
4. Бутенко А. П., Колесниченко Ю. В. Менталитет россиян и евразийство: их сущность и общественно-политический смысл // Социологические исследования. – 1996. – № 5.
5. Зимин А. И. Европоцентризм и русское национальное самосознание. // Социологические исследования. – 1996. – № 2.
6. Мизес Л. фон. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. – М., 1993.
7. Кравченко А. И. Три капитализма в России // Социологические исследования. – 1999. – № 7.
8. Кириенко В. В. Менталитет современных белорусов как фактор общественного реформирования // Социология. – 1999. – № 1.
9. Снапковский В. Белорусская экономическая элита // Нац. экономич. газ. – 1995. – № 11.
10. Телевич Н. М. Эволюция взглядов на предпринимательство // Предпринимательство в Белоруссии. – 2001. – № 1.
11. Клименко В. А., Артюхин М. И. Социальная база предпринимательства // Социология. – 1999. – № 1.
12. Туроу Л. Будущее капитализма. – Новосибирск, 1999.

Приходной Р.В.

ПАДЕНИЕ ПОЭТА

(образ А.И. Тинякова в мемуарах Георгия Иванова, Михаила Зоценко, Владислава Ходасевича)

Данная статья анализирует отражение образа талантливого, полузабытого поэта начала прошлого столетия в мемуарах других писателей. На примере А.И. Тинякова раскрываются особенности мемуаров М. Зоценко, Иванова и В. Ходасевича. Сделана попытка выявить общность нравственной позиции авторов. Статья – часть диссертации, посвященной проблематике творчества Георгия Иванова.

Проблема статьи мало исследована.

В предисловии к трехтомнику Г.Иванова Е. Витковский отмечает, что о Тинякове писали Г.Иванов, В.Ходасевич и М.Зоценко. Утверждается, что М.Зоценко подробно рассказал о пути Тинякова к ниществу. Приводятся строки из «Моления о пище» Тинякова, фигурирующие в воспоминаниях М.Зоценко.

Все это не представляется верным. М.Зоценко не пишет о подробностях жизни поэта, приведших к профессиональному ниществу. Он говорит только о этапных встречах с ним. Хотя он и цитирует «Моление о пище», но не те строки, которые приводятся в воспоминаниях М.Зоценко. Для Витковского существенно следующее: сходство поэтики позднего Г.Иванова и его манеры поведения с Тиняковым. Отмечается, что поэтический дар спас Иванова от свойственной Тинякову карикатурности. Воспоминания Ходасевича не рассматриваются [2. т.1. с.36-38]

В послесловии к повести М.Зоценко «Драма неисцеленного разума» А.Пузырей дает комментарий психолога. А.Тиняков не упоминается. Во главе угла поставлен вопрос: смог ли Зоценко вылечить себя [1].

В предисловии к «Некрополю» Н.Богомолов дает характеристику прозы Ходасевича. А.Тиняков только упоминается [12].

В предисловии к сборнику избранных произведений В.Ходасевича «Тяжелая лира Владислава Ходасевича» С.Бочаров пытается определить особенности «Некрополя». Ходасевич, по его мнению, не только мемуарист, но и историк. Поскольку А.Тиняков не фигурирует в «Некрополе», то о нем не говорит и автор предисловия.

В сборнике чувственной лирики серебряного века справка о Тинякове содержит указание на нищество, репутацию циника и аморалиста и на то, что он считал В.Брюсова своим учителем [15].

В статье сделана попытка обнаружить стержень общий для всех трех авторов и объединяющий их в отношении к Тинякову. Тем самым выявляются точки соприкосновения между писателями-эмигрантами и автором оставшимся на родине.

В 1922 году Михаил Зоценко получил в подарок от автора книгу стихов, в которой были такие строки:

Пищи сладкой, пищи вкусной
 Даруй мне, судьба моя, -
 И любой поступок гнусный
 Совершу за пищу я.
 В сердце чистое нагажу,
 Крылья мыслям остригу,
 Совершу грабеж и кражу,
 Пятки вылижу врагу!